

К.В. Шевченко

СИНОДАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ
ЦЕНТР ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛИАЛА РГСУ,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

К вопросу о роли церкви В Древней Руси: взгляд из современной Чехии

(рецензия на главу «Dělníci poslední hodiny:
Církevní organizace a křesťanství
na Kyjevské Rusi» из книги Těra M.
«Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost»)

Аннотация: Рецензия рассматривает одну из ключевых глав фундаментальной монографии чешского историка-медиевиста Михала Теры «Киевская Русь: история, культура, общество». Название рецензируемой главы — «Работники последнего часа: церковная организация и христианство в Киевской Руси». Актуальность данной главы состоит в подчёркивании того, что принятие христианства в конце X века принципиальным образом преобразовало восточнославянское пространство, предопределив его культурно-историческое единство вперёд на многие века. Именно тогда сформировался тот тип Древнерусской Церкви и восточнославянского христианства, которые длительное время являлись главными факторами, обеспечивавшими и сохранявшими единство восточнославянского пространства. Как констатирует чешский историк, униатские проекты XVI–XVII веков ничего тут не изменили. Культура, литература, язык и менталитет местных народов вплоть до настоящего времени определяются процессами, которые происходили в Киевской Руси в XI–XIII веках. Эта констатация чешского

историка вступает в явную полемику с утверждениями некоторых постсоветских историков, стремящимися поставить под сомнение единство Древней Руси, вычленив в ней отдельные восточнославянские народы уже в эпоху раннего Средневековья. Очевидные факторы единства Древней Руси в настоящее время стали объектом агрессивной ревизии со стороны политически ангажированных историографий современных восточнославянских государств в угоду текущим интересам политических элит. Поэтому знакомство с фундаментальным трудом М. Теры будет полезным для специалистов по истории России и стран Восточной Европы.

Ключевые слова: Киевская Русь, принятие христианства, Православная Церковь, католичество

Для цитирования: Шевченко К.В. К вопросу о роли церкви в Древней Руси: взгляд из современной Чехии (рецензия на главу «Dělníci poslední hodiny: Církevní organizace a křesťanství na Kyjevské Rusi» из книги Těra M. «Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost»). *Ортодоксия*. 2021; №2. С. 243–254. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-243-254

Заметный рост интереса к древнерусской эпохе характерен сейчас не только для постсоветских историографий восточнославянских стран, активно вовлечённых в реализацию политики «исторической памяти», но и для современной чешской историографии. Свидетельством этому является изданная в 2019 году фундаментальная монография обзорного характера известного чешского историка-медиевиста Михала Теры «Киевская Русь: история, культура, общество». Данный труд, насчитывающий более 700 страниц текста, подготовлен на солидной источниковой базе с учётом колоссальной по объёму историографии, включая как классические труды признанных авторитетов в данной области, так и самые последние работы.

Для чрезмерно политизированной и основательно дезориентированной постсоветской аудитории труд чешского историка представляет большую ценность своим сбалансированным и достаточно объективным взглядом на ряд спорных вопросов древнерусской истории, не обременённым вездесущей политической конъюнктурой, успешно превратившей музу истории Клио в эффективный

инструмент идеологической борьбы. Настоящая рецензия рассматривает одну из ключевых глав книги, посвящённую Церкви в Древней Руси. Название главы: «Dělníci poslední hodiny: Církevní organizace a křesťanství na Kyjevské Rusi» («Работники последнего часа: церковная организация и христианство в Киевской Руси»).

«Принятие христианства в конце X века принципиальным образом преобразовало восточнославянское пространство, предопределив дальнейшее направление развития древнерусского государства, — с полным основанием констатирует чешский историк. — Именно в эпоху Киевской Руси сформировался тот тип Древнерусской Церкви и восточнославянского христианства, которые длительное время являлись главными факторами, обеспечивавшими и сохранявшими единство восточнославянского пространства. Именно восточный тип христианства сыграл ключевую роль в становлении культуры восточных славян. Без какого-либо преувеличения можно сказать, что без христианства не было бы современных восточнославянских народов, поскольку речь идёт о главном источнике и твёрдом фундаменте их культурной идентичности» (Téra 2019: 541).

Как отмечает чешский историк, первоначально опорными пунктами распространения христианства стали церковные структуры, созданные при поддержке княжеской власти. Первыми представителями духовенства на Руси были миссионеры из Византии. В частности, источники упоминают, что Владимир привёз с собой из крымского Херсонеса не только первую церковную утварь, но и священников для первых храмов на Руси. Чешский исследователь обращает внимание на то, что, судя по всему, в миссии на Русь участвовало и большое число духовенства с Балкан, прежде всего из Болгарии; количество болгар на Руси существенно увеличилось после завоевания Болгарского царства византийцами в 1014–1018 годах. По словам М. Тера, быстрое распространение славянской образованности, славянской литургии и церковных текстов явно болгарского происхождения свидетельствует о «решающем влиянии данной среды на рождавшуюся Древнерусскую Церковь» (Téra 2019: 543).

С точки зрения юрисдикции Русская Церковь подчинялась константинопольскому патриарху. Именно из Византии на Русь, как подчёркивает М. Тера, посылались самые главные церковные иерархи в период всего существования Киевской Руси. Вместе с тем постоянное стремление

киевских князей подчеркнуть свою независимость от Византии находило своё выражение и в церковной сфере. Наиболее ярким примером этого, полагает чешский исследователь, является сообщение летописи о том, что в 1048 году Ярослав собрал в киевском храме Святой Софии епископов, которые избрали митрополитом славянского монаха и священника Иллариона. «Данный акт, — считает М. Тера, — свидетельствовал о стремлении князя добиться самостоятельности от константинопольского патриарха и сделать так, чтобы во главе самой важной церковной функции был человек славянского происхождения. Это могло быть результатом конфликта между Русью и Византией в 1043 году» (Téra 2019: 545).

В качестве дополнительного объяснения избрания Иллариона М. Тера приводит мнение польского историка А. Поппе, связывавшего избрание Иллариона с деятельностью монахов константинопольского Студитского монастыря, которые активно участвовали в формировании церковных структур на Руси и имели тесные контакты с южными славянами, прежде всего с болгарами (Téra 2019: 545). Однако константинопольский патриарх Михаил Керулларий не утвердил не назначенного им митрополита, и в результате Илларион должен был уйти. В дальнейшем вплоть до монгольского нашествия митрополичья кафедра в Киеве занимали греки (Téra 2019: 546). Впрочем, для самих русских князей, полагает М. Тера, было предпочтительнее иметь в качестве митрополитов именно греков — в силу их знакомства с константинопольской средой и часто их высокого статуса, так как некоторые из них имели высокие придворные звания (Téra 2019: 546). При этом тесная связь греческого духовенства и иерархов с Византией нередко представляла для русской церкви ряд проблем. Посланные на Русь греки часто «были не в восторге от окружавшей их «варварской среды», поэтому некоторые из них стремились вернуться на родину. Назначение митрополита могло длиться долго; поэтому митрополичья кафедра длительное время оставалась вакантной» (Téra 2019: 547).

Нашествие монголо-татар нанесло тяжёлый удар не только по политической, но и по церковной жизни на Руси. Главным архитектором церковной политики на Руси в это время был митрополит Кирилл, который стремился обновить деятельность Церкви и сохранить её единство в условиях монгольского ига, сумев получить от монголов ярлыки, подтверждающие привилегии Церкви. Преемник

Кирилла митрополит Максим «сделал первый шаг к разделению ранее единой древнерусской церкви. Он покидает Киев и переезжает туда, где получает наибольшую защиту со стороны светской власти — во Владимир-на-Клязьме. Его преемник Пётр в конечном счёте в 1325 году переедет в Москву. В это же время на рубеже XIII и XIV веков на западе Руси возникнут две другие митрополии — Галицкая и Литовская... Наконец, в результате экспансии Литвы в западнорусские области возникнет Киевско-литовская митрополия... В любом случае, — обоснованно полагает чешский исследователь, — мы можем констатировать, что монгольское завоевание разделило Русь не только в политическом, но и в церковном отношении. Униатские потуги в XVI–XVIII вв. в Западной Руси это разделение окончательно подтвердили» (Téga 2019: 549). Таким образом, чешский историк проводит любопытную параллель между монгольским завоеванием, положившим начало разделению ранее единой русской церкви, и более поздними униатскими проектами, направленными на усиление церковной раздробленности в исторических русских землях.

Важным следствием христианизации Руси было колоссальное церковное влияние на древнерусское право. По словам М. Теры, посредством Церкви на Русь проникает византийское право, в котором «христианская этика переплетается с государственным правом и административными нормами. На Русь попадает византийский Номоканон в болгарской редакции известный как так называемая Кормчая книга» (Téga 2019: 558). При этом «жестокие византийские наказания на Руси приобретают более мягкий вид и превращаются в штрафы или покаяния. Судя по всему, греческие иерархи смирились как с этой практикой, так и с материальной зависимостью церкви от княжеской власти... Византийское светское и церковное право было принято как идеальная культурная модель в церковнославянской версии, но это был именно идеал, который в реальной жизни не соблюдался» (Téga 2019: 560).

Любопытно мнение чешского исследователя о том, что с самого начала отличительной чертой Церкви в Древней Руси стала «формальная строгость христианской жизни... Судя по всему, это было связано с тем, что на Руси получила распространение скорее монашеская этика. То, что в Византии или в Западной Европе было связано с жизнью духовенства, на Руси применялось ко всему населению, поэтому миряне иногда вели себя подобно представителям монашеских общин» (Téga 2019: 563). Подчёркивает автор и строгость постов на Руси, особенно Великого

поста, констатируя, что в других христианских странах подобная строгость была характерна для монастырской жизни, но не для мирян (Téra 2019: 565). Ещё одной важной чертой Древнерусской Церкви М. Тера считает стремительное распространение на Руси монастырей, начавшееся сразу же после принятия христианства. «Монастыри в Киеве стали возникать уже в первой половине XI века как центры распространения христианства», — замечает чешский историк (Téra 2019: 571), обращая внимание на то, что древнерусские монастыри изначально являлись не только духовными центрами, но и важными очагами культуры и образовательной деятельности. Исключительно важным культурным наследием Церкви в Древней Руси было то, что именно здесь «были положены основы восточнославянской иконописи, которая в последующих столетиях развилась до небывалой широты и духовной глубины, став одним из главных проявлений местной духовности» (Téra 2019: 578).

Нахождение в цивилизационных орбитах западного и восточного христианства постепенно порождало различия у оказавшихся в них славянских народов. По мнению чешского историка, славяне, принявшие латинское христианство, сумели в большей степени воспринять античное наследие, тогда как славянские народы, сохранившие церковно-славянскую традицию, отрицали либо игнорировали античное наследие, поскольку оно не являлось для них принципиально важным (Téra 2019: 587). В любом случае, однако, «взаимные контакты между центрами славянской образованности в Чехии, Венгрии, Хорватии, Болгарии и на Руси создавали специфическое пространство под названием *Slavia Cyrilomethodiana*, значение которого для становления и развития культур молодых славянских народов трудно переоценить... Данное пространство было свободно от конфессиональных разделений и великий раскол в нём длительное время не был замечен... В более позднюю эпоху контакты между православными и католическими землями славянского мира замерли, однако они продолжились в рамках православной славянской общности. Таким образом, взаимные связи между славянскими народами не являются изобретением XIX в., поскольку они имели место на протяжении всей славянской истории» (Téra 2019: 590).

Серьёзное внимание уделил автор и весьма непростым взаимоотношениям православной Руси с католическим Западом. В частности, М. Тера отметил, что мысль о вовлечении Руси в сферу католицизма появляется среди высшего польского духовенства уже в XII веке.

Показательной фигурой в этом отношении был основатель цистерцианского монастыря Св. Андрея Ян Грифита, ставший в 1143 году вратиславским епископом, а в 1149 году архиепископом в Гнезно. С самого начала своей деятельности Грифита был убеждённым сторонником обращения Руси в католицизм и энергично работал в этом направлении (Téra 2019: 593).

Перелом в отношениях между католичеством и Православием, по мнению чешского исследователя, наступил в XIII веке, когда православный мир испытал колоссальное потрясение после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году и «последующего дробления Византийского государства, связанного со стремлением навязать католичество восточной церкви» (Téra 2019: 593). В XIII веке отношения между католической и православной частями Европы резко обострились. При этом, как обоснованно отмечает чешский историк, инициатива конфронтации постоянно исходила именно со стороны Запада. По его словам, «конфессиональные различия становятся оружием в руках католических государств для удовлетворения их политических амбиций. Православие вытесняется с горизонта “цивилизованного мира”, “схизматики” выдавливаются в ту же ментальную плоскость, что и еретики, язычники, мусульмане и евреи. Неудивительно, что на подобный подход православные начинают отвечать аналогичным образом, что ведёт к росту конфессиональных барьеров между двумя ветвями христианства» (Téra 2019: 593).

Схожее мнение высказывает и известный польский историк церкви из Белостока А. Миронович, по словам которого, «Рим использовал тяжёлое положение, в каком очутился цареградский патриархат, для подчинения Православной Церкви своей власти. Такую же политику папа римский проводил и в следующих столетиях... По мнению папства, православные могли лишь присоединиться к латинскому костелу, приняв его символ веры и признав примат папы римского» (Миронович 2021: 196).

Особенно непримиримое, откровенно враждебное и ярко выраженное высокомерно-пренебрежительное отношение к Православной Церкви традиционно демонстрировали представители польской католической церкви и политической элиты. Так, крупный польский политический деятель первой половины XIX века князь А. Чарторыйский, личный друг императора Александра I, сделавший фантастически успешную

карьеру в Российской империи, в своих воспоминаниях отзывался о Православной Церкви крайне уничижительно, с позиций цивилизационного превосходства. По его словам, «богослужение греческой церкви, по внешности, торжественнее нашего и напоминает языческий культ... Напрасно будете искать там протестантской простоты и наставительности или католической набожности... Вся разгадка в том, что последние суть продукт цивилизации, между тем как греческий культ носит печать азиатского варварства... В нас гораздо более, чем в русских, веры и набожности» (Корнилов 1896: 13–14).

В контексте постоянного и системного натиска на Православие со стороны западной церкви рассматривает автор и последующие унитарские проекты, инициированные Римом и Варшавой. По мнению чешского историка, «в восточнославянском пространстве данный процесс достигает своего пика в заключении уний в XVI–XVIII веках и в гордой культурной изоляции московского государства. Однако нельзя забывать, что это не был тот путь, который православный мир сам первоначально выбрал — скорее, к нему он был принуждён. Чувство исключительности Русской Церкви, которое укрепилось в период, когда Московская Русь осталась единственным независимым православным государством, не является по этой причине исключительно русской чертой. Это итог процессов, в начале которых православные славяне оказались скорее пассивным объектом истории, нежели её активными творцами» (Téra 2019: 593).

Автор неоднократно подчёркивает, что активные попытки включить русские княжества в орбиту католической церкви имели место ещё до монголо-татарского нашествия. Так, уже в 1220-е годы орден доминиканцев, распространив своё влияние на Чехию и Польшу, начал отсюда свою миссию на Русь. Легенда о Св. Яцеке (Гиацинте) сообщает, что данный миссионер Ордена доминиканцев прибыл в Киев в 1222 году и находился здесь около 5 лет (Téra 2019: 593–594). В 1225 году возникло польское подразделение доминиканцев, которое направило свою миссионерскую деятельность на земли пруссов и на Русь. «Это свидетельствует об изменении взгляда католиков, включая славянских католиков, на православных, — констатирует М. Тера. — Миссия направляется к ним точно так же, как к язычникам; то есть, уже нет попыток найти путь к согласию внутри разделённой церкви; «схизматики» ради своего спасения должны изменить свою веру и принять католичество» (Téra 2019: 594).

Все эти попытки, однако, в итоге закончились фиаско. Православие сохранило доминирующие позиции и стало, по словам чешского историка, определяющим идентификационным элементом в культуре, самосознании и менталитете местного населения (Téra 2019: 594). Завершая свои мысли о роли церкви в истории Древней Руси, чешский исследователь справедливо констатирует: «Восточнославянский язык и православное христианство — краеугольные камни восточнославянской культуры. Униатские проекты XVI–XVII веков ничего в этом отношении не изменили. Мышление, культура, литература, язык и менталитет местных народов вплоть до настоящего времени определяются теми процессами, которые происходили в Киевской Руси в XI–XIII веках» (Téra 2019: 594).

Более того, автор подчёркивает в заключении, что политическая раздробленность на фактически самостоятельные государства «не нарушила единства древнерусского пространства. Хотя в политическом отношении отдельные княжества шли своим путём, единая династия, единая традиция, единая церковь, единый литургический и литературный язык сохраняли и развивали сознание единой Руси» (Téra 2019: 635). М. Тера полагает, что возможность повторной интеграции древнерусских земель длительное время оставалась, но была нарушена двумя ключевыми факторами — монгольским нашествием и последующим образованием Золотой Орды, и успешной экспансией Литвы в XIII веке.

Постоянная констатация чешским историком этнокультурного и языкового единства древней Руси, которое надолго пережило период её политического единства, вступает в явную полемику с утверждениями некоторых современных постсоветских историков, стремящимися поставить под сомнение единство Древней Руси, вычленив в ней отдельные восточнославянские народы уже в эпоху раннего Средневековья.

Эти очевидные факторы единства Руси и богатое древнерусское культурное наследие в настоящее время стали объектом агрессивной ревизии со стороны политически ангажированных историографий современных восточнославянских государств, где ряд историков стремится реинтерпретировать историю Древней Руси в угоду текущим интересам политических элит, вступая в явное противоречие с исторической наукой. Поэтому знакомство с фундаментальным трудом М. Теры будет полезным для специалистов по истории России и стран Восточной Европы.

Об авторе:

Кирилл Владимирович Шевченко — доктор исторических наук, заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусского Экзархата Московского Патриархата, заведующий Центром евразийских исследований Филиала РГСУ в г. Минске; 220107, Беларусь, Минск, ул. Народная, 21, e-mail: shevchenkok@hotmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Корнилов, И. П. Князь Адам Чарторыйский / И. П. Корнилов. — М.: Университетская типография, 1896. — 144 с.

Миронович, А. В. Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима / А. В. Миронович // Светост и дух времена. Приредило Зоран Милошевић. — Београд: Институт за политичке студије, 2021. — С. 195–204.

Téra, M. Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost / M. Téra. — Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. — 721 s.

To the role of the church in Ancient Russia: a view from modern Czech Republic

(review of the chapter “Dělníci poslední hodiny:
Církevní organizace a křesťanství
na Kyjevské Rusi” from the book by M. Téra
“Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost”)

K. V. Shevchenko

SYNODAL HISTORICAL COMMISSION OF THE BELARUSIAN EXARCHATE OF THE MOSCOW
PATRIARCHATE, MINSK, BELARUS
CENTER FOR EURASIAN STUDIES, RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY,
MINSK, BELARUS

Abstract: This review examines one of the key chapters of the fundamental book “Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost” [Kievan Rus: History, Culture, Society] by Czech historian-medievalist Michal Téra. The chapter under review is titled “Dělníci poslední hodiny: Církevní organizace a křesťanství na Kyjevské Rusi” [Workers of the Last Hour: Church Organization and Christianity in Kievan Rus]. This chapter emphasizes that the adoption of Christianity at the end of the 10th century fundamentally transformed the East Slavic space, predetermining its cultural and historical unity for many centuries to come. At this period a type of Old Russian church and East Slavic Christianity formed, which for a long time ensured and preserved the unity of the East Slavic space. As Téra says, the Uniate projects of the 16th–17th centuries did not change anything. The culture, literature, language and mentality of local peoples to the present day are determined by the

processes that took place in Kievan Rus in the 11th–13th centuries. This statement of Téra is in direct conflict with the claims of some post-Soviet historians, who seek to question the unity of Kievan Rus by isolating the separate East Slavic peoples as early as in the Middle Ages. The obvious factors of the unity of Ancient Rus have nowadays become the object of an aggressive revision on the part of politically engaged historiographies of modern East Slavic states to please the current interests of political elites. Therefore, familiarity with the fundamental work of M. Téra will be useful for specialists in the history of Russia and Eastern Europe.

Keywords: Kievan Rus, Adoption of Christianity, Orthodox Church, Catholicism

For citation: Shevchenko K.V. To the role of the church in Ancient Russia: a view from modern Czech Republic (review of the chapter “Dělníci poslední hodiny: Církevní organizace a křesťanství na Kyjevské Rusi” from the book by M. Téra “Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost”). *Orthodoxia*. 2021. №2. C. 243–254. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-243-254

About the author:

Kirill Vladimirovich Shevchenko — Doctor of Historical Sciences, Deputy Chairman of the Synodal Historical Commission of the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate, Head of the Center for Eurasian Studies of the Branch of the Russian State University in Minsk; 21 Narodnaya str., Minsk, Belarus, 220107, e-mail: shevchenkok@hotmail.com

REFERENCES

Kornilov, I. P. (1896). *Knyaz Adam Chartoryyskiy* [Prince Adam Czartoryski]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. [In Russian]

Mironovich, A. V. (2021). Brestskaya tserkovnaya uniya kak element vostochnoy politiki Rima [Brest Church Unia as an element of Eastern policy of Rome]. In *Svetost i dukh vremena*. Priredio Zoran Milosheviĥ [Svetost and spirit of times. Priredio Zoran Milosevi] (pp. 195–204). Belgrade: Institut za politichke studije. [In Russian]

Téra, M. (2019). *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost* [Kievan Rus: History, Culture, Society]. Červený Kostelec: Pavel Mervart. [In Czech]